

ПРАВДИН М.Н.

# СЛОВАРНОЕ ТОЛКОВАНИЕ, НАУЧНОСТЬ И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

«Задача тех, кто работают над языком, а в особенности над словарями,— пишет В. Дорошевский,— строить мосты взаимопонимания между людьми. Строительным материалом становятся в этом случае слова, определения которых дают лексикографы, их работа была бы бессодержательной, лишенной методологических опорных пунктов, если бы она не служила общественно-культурным целям...» [1, с. 255—256]. «Словари оказывают большое влияние на формирование отношений между людьми и народами» [1, с. 76, примеч.]. Словарь — это «сокровищница», из которой члены определенной культурной общности черпают знания, позволяющие «понимать или составлять высказывания» [2, с. 40]. Словарь справедливо рассматривается как выразитель мнения и «гарант нормы» коллектива, на научной основе регулирующий языковое и, шире, общественно-культурное поведение его членов.

Однако чтобы словарь мог стать гарантом нормы для некоторого коллектива читателей, необходимо создать «мост взаимопонимания» прежде всего между составителем словаря (ученым-лексикографом) и тем, кто пользуется словарем. Это требование особенно настоятельно, когда речь идет об учебном словаре.

Методическая проблема (проблема наиболее рациональной, научной формы презентации лексического материала в словаре) при ближайшем рассмотрении оказывается тесно связанной с серьезнейшими методологическими вопросами. Так, научность (как бы ее ни понимать) представления лексики в словаре сама по себе не гарантирует понятности и полезности словарных «знаний» для читателя и, тем самым, взаимопонимания между лексикографом и адресатом словаря, если эта научность находится в противоречии с тем, что можно было бы назвать интуицией читателя, его «здравым смыслом». В то же время лексикограф как носитель языка, конечно, не может слепо доверяться интуиции, поскольку интуитивное владение языком и сознательное, а тем более научное владение им отнюдь не совпадают.

Понятия «здравый смысл», «обычное, обыденное сознание», «обыкновенный человеческий рассудок» приобрели в философском плане своеобразный отрицательный оттенок как нечто низшее по отношению к научному мышлению и даже как нечто «обращенное против разума» [3]<sup>1</sup>. С другой стороны, «здравый смысл», отождествляемый с интуицией, рассматривается как нечто лежащее «непосредственно в основе любого сознания, независимо от каких бы то ни было научных изысканий» и поэтому не нуждающееся в доказательствах своей истинности [4]<sup>2</sup>.

Разделение и противопоставление «обыденного» и «научного» подхода к действительности превратилось, в свою очередь, в норму «обыденного сознания» ученого, в своего рода принцип, которым нужно руководствоваться при оценке того или иного явления действительности. В теоретической лексикологии такое разделение отразилось, в частности, в известных терминах: «ближайшее» и «дальнейшее» значения (А. А. Потебня),

<sup>1</sup> Аналогичное отношение к «здравому смыслу» («обыкновенному человеческому рассудку») можно найти и у других представителей классической немецкой философии.

<sup>2</sup> Такое понимание «здорового смысла» характерно для картезианской философской традиции. См. в этой связи [5]. См. также работы Ж. Пиаже, где «интуитивное» отождествляется с «наглядным».

«формальное» и «содержательное» понятия (С. Д. Кацнельсон), «наивное» и «научное» понятия (Ю. Д. Апресян) и т. п. Подобные «разделяющие» определения характерны, по мнению Гегеля, для абстрагирующего, разделяющего рассудка, который в этих случаях «ведет себя как *обыкновенный здравый смысл*» [3]<sup>3</sup>. Однако и наука не может существовать без абстрагирования, без расчленения изучаемого явления и очень часто дифференцирует как раз там, где интуиция воспринимает явление как нерасчлененное.

В лексикографии, прежде всего в толкованиях значений, разделение точек зрения «обыденного сознания» и науки тем не менее приводит к принижению общественно-культурной роли словаря, к тому, что интересы ученого-лексикографа и того, кому, собственно, словарь адресуется, оказываются искусственно противопоставленными.

Каждый составитель толкового словаря, естественно, стремится к научной точности толкования (определения) слова, понимая свою ответственность как «выразителя мнения коллектива», как «гаранта нормы» этого коллектива. Главные усилия направляются на то, чтобы выбрать из всех возможных словесных толкований (дефиниций) данного слова такое толкование, которое наиболее отвечало бы некоторому абстрактно понятому критерию научности.

Вместе с тем мыслящий лексикограф не может не признать, что «в с е дефиниции (имеются в виду именно словесные, т. е. составленные из слов, определения. — П. М.) имеют в научном отношении незначительную ценность. Чтобы получить действительно исчерпывающее представление об объекте (о предмете, о понятии, о значении слова), необходимо «проследить все формы» собственного его проявления. «Однако для о б ы д е н н о г о у п о т р е б л е н и я... дефиниции очень удобны, а подчас без них трудно обойтись; повредить же они не могут, пока мы не забываем их н е и з б е ж н ы х н е д о с т а т к о в» [7 (разрядка наша. — П. М.)].

Такое трезвое, разумное отношение ко всяким, в том числе и научным, дефинициям (словесным определениям, толкованиям, разъяснениям), несомненно, заставляет с большим вниманием и большим доверием относиться к здравому смыслу (обыденному сознанию, интуиции) читателей, которым лексикограф адресует свои труды. При всей ответственности научной и общественно-культурной роли лексикографа как профессионального толкователя значений слов он не должен становиться по отношению к рядовому читателю (носителю языка) в позу учителя, наставника, который во всех случаях «знает дело лучше других» [8]. Истинно научные (т. е. исходящие из существа дела) толкования должны базироваться, скорее, на том, что объединяет лексикографа и рядового носителя языка, чем на том, что их разъединяет.

В лексикографической практике, по-видимому, давно уже сложилось представление о двух основных типах словарей: о словарях понятий (энциклопедических словарях, энциклопедиях) и словарях слов (филологических, лингвистических словарях) [см. также 9]. В первых даются сведения о понятиях или, как считают некоторые лексикографы, о денотатах, во вторых — разнообразные сведения о словах.

Это в значительной степени интуитивное деление словарей на две группы отражается и в характере словарной статьи словаря энциклопедического типа, и такого лингвистического словаря, как толковый. Однако при сравнении словарных статей того и другого словаря тотчас же бросается в глаза, что четкого представления об отличии семантического толкования от понятийного определения все же нет<sup>4</sup>. Элементы

<sup>3</sup> «Разделения», диктуемые здравым смыслом, и преодоление абстрактных разделений — это история самой науки. Так, например, «в физике Аристотеля покой и равномерное прямолинейное движение полностью обособлены, в законе инерции Галилея утверждается равноправие и внутренняя связь состояний покоя и равномерного прямолинейного движения» [6, с. 57]. Вместе с развитием научных взглядов на мир развивается и «обыденное сознание», изменяется сама «практика здравого смысла».

<sup>4</sup> Характерно, что сами термины «определение» («дефиниция») и «толкование» обычно не дифференцируются или употребляются прямо как синонимичные.

обычного понятийного определения (через род и видовое отличие), как правило, но далеко не регулярно появляются при толковании значений слов в любом толковом словаре. При этом выясняется, что подобного рода определения в одном случае легко конструируются и, как говорится, хорошо «проходят»; в другом случае конструируются с трудом, получаются весьма неестественными (и даже комичными), а в третьем случае оказываются вообще невозможными.

Проницательный В. И. Даль в статье «О русском словаре» замечает, имея в виду именно логические определения через род и видовое отличие: «Общие определения слов и самых предметов и понятий, дело почти неисполнимое и притом бесполезное. Оно тем мудренее, чем предмет проще, обиходнее» [10]. Если с первой частью этого высказывания можно спорить, то справедливость второй его части постоянно подтверждается самой лексикографической практикой. Составители разного рода энциклопедий сознательно избегают понятий «простых» и «обиходных», зная, что дать логическое определение (определение через род и видовое отличие) таким понятиям на научном уровне часто невозможно, лингвисты же, составители толковых словарей, упорно пытаются такие определения конструировать (примеры крайне неудачных определений можно найти в любом толковом словаре).

В настоящее время, как нам представляется, выявились две диаметрально противоположные точки зрения на вопрос о толковании слов в толковом (лингвистическом) словаре.

Одни лингвисты, жертвуя стилистическими, лексическими и синтаксическими нормами языка, главным достоинством толкования (определения) считают его «научность» и «точность»: «Характерно, что многие удачные определения толковых словарей обнаруживают отклонения от стилистических, лексических и даже синтаксических норм данного языка,— пишет Ю. Д. Апресян,— а определения, в которых лексикограф — не как ученый, а как носитель языка — уступает своему естественному желанию выражаться идиоматично, часто содержат неточность» [11, с. 96]<sup>5</sup>.

Другие выступают именно против искусственности определений. Как бы прямо возражая Ю. Д. Апресяну, В. Дорошевский пишет: «Такие определения не должны проходить через фильтры лексикографических критериев. Всякая искусственность стиля есть искусственность мысли, а лексикограф должен заботиться о том, чтобы не допускать противостественности в формулировках своей мысли и не прививать эти мыслительные противостественности в языке своей среды» [1, с. 252]. При этом В. Дорошевский требует, «чтобы между практическим здравым смыслом и „научным“ мышлением не возникало никакого зияния, отделяющего мысль от практического осуществления» [1, с. 250].

Лингвисты, стоящие на первой точке зрения, напротив, постулируют это «зияние» как необходимое условие научного описания лексики. Предусматривается «зияние» между здравым смыслом и научным мышлением в двух отношениях — в плане «объект-языка» и в плане «метаязыка».

Лингвист должен определять в толковом словаре не все понятия, а лишь так называемые «наивные» понятия, «донаучные общие» понятия, т. е. именно понятия «здравого смысла», которые в совокупности образуют «наивную картину мира»: «Задача лексикографа, если он не хочет покинуть почвы своей науки и превратиться в энциклопедиста, состоит в том, чтобы вскрыть эту наивную картину мира в лексических значениях слов и отразить ее в системе толкований» [11, с. 58]<sup>6</sup>.

Однако как раз в системе описания (системе толкований) точка зрения здравого смысла отвергается. Ей должна быть, по мнению этих лингвистов, противопоставлена точка зрения науки.

<sup>5</sup> Нельзя не заметить, что в этом высказывании прямо декларируется пренебрежительное отношение к синтаксическим, лексическим и стилистическим особенностям конкретного языка при толковании значений его лексических единиц.

<sup>6</sup> См. также термины «наивная культура» и «отработанная культура» [2, с. 50].

Таким образом, на уровне определяемого Ю. Д. Апресян требует иметь дело с «наивными» понятиями (понятиями «здравого смысла» = лексическими значениями), а на уровне определяющего — с научными их определениями. В словаре как бы сталкиваются и объединяются две противоположные точки зрения (наивная и научная), причем «точное», «научное» определение оказывается семантически отождествленным с толкуемым (определяемым) «наивным», «донаучным», «общим» понятием (лексическим значением слова), поскольку «определение должно быть точной синонимической перифразой определяемого»: «определяющие значения 'BC' должны быть необходимы и достаточны для определяемого значения 'A' (должны быть перечислены все семантические компоненты A и только они...)» [11, с. 95 (разрядка наша. — П. М.)].

Итак, теоретически разделяя и противопоставляя друг другу точки зрения здравого смысла и науки, лингвисты, ратуящие за научную точность в лексикографии, приходят к отождествлению наивного и научного значений, наивного и научного взгляда на мир. При этом таких лингвистов не смущает насилие над языком, если оно оказывается необходимым с точки зрения их теоретических построений.

Лексикография, пожелав стать не только искусством, но и наукой, столкнулась, таким образом, с весьма серьезными трудностями. Интуитивное толкование слов, как бы оно ни было искусно у отдельных лексикографов (образцом здесь, несомненно, является В. И. Даль <sup>7</sup>), уже не удовлетворяет лингвиста. Возникла потребность либо подвести под лексикографическую интуицию некоторую научную базу (вся работа В. Дорошевского, которую мы цитировали, представляется нам именно попыткой обосновать лингвистическую интуицию составителя толкового словаря данными психологии, логики и физиологии), либо, полностью отказавшись от опоры на интуицию, построить строго формализованную систему описания лексики, подобную некоторому исчислению. В первом случае наблюдается стремление примирить научное мышление со здравым смыслом, во втором случае — резко их противопоставить.

Если первый подход оставляет все же чувство какой-то незащищенности лексикографической интуиции (а следовательно, и здравого смысла) перед лицом возможной критики, поскольку все логические, психологические и физиологические доводы носят или слишком общий характер, или, наоборот, выдвигаются для доказательства отдельных частных решений, то второй подход вызывает решительный протест своим малоубедительным, но тем не менее безапелляционным противопоставлением точки зрения науки и точки зрения здравого смысла, — противопоставлением, за которым в конечном итоге просматривается некая весьма субъективная позиция, ни в коей мере не оправдывающая принесения здравого смысла в жертву «науке» [см. об этом 12].

Кроме того, и в первом и во втором случае остается неясным, что же все-таки представляет собой семантическое толкование значения слова, а что — логическое определение понятия, и в связи с этим неясным остается вопрос о месте логического определения в толковом (лингвистическом) словаре и вопрос о принципах толкования лексики в целом. В основе всех этих неясностей лежит, несомненно, одна причина — отсутствие удовлетворительного решения вопроса о значении и понятии. Эта же причина, как нам представляется, не дает возможности найти разумный компромисс между «научным мышлением» и интуицией (здравым смыслом) лексикографа, между его стремлением к точности и одновременно к естественности («идиоматичности») толкования лексики.

Всякое толкование значения или определение понятия принимает в словаре форму отношения типа А — В, где А понимается как толкуемое слово или определяемое понятие, а В — как само толкование слова или определение понятия. Во всяком словаре А — это так называемое «за-

<sup>7</sup> Мы имеем в виду главным образом гибкость в подходе к толкованию у В. И. Даля, отсутствие у него какой-либо раз и навсегда принятой схемы толкования.

главное» («заголовочное») слово, а В — «объяснительная часть», или собственно «словарная статья».

Очевидно, основной вопрос, встающий перед лексикографом, это вопрос о том, почему именно данное В мы можем связать с данным А в случае определения понятия и в случае толкования значения, что связывает В с А? Обычно связь В с А объясняется как следствие их эквивалентности (их синонимичности, перифрастичности в широком смысле этих слов). Таким образом, при толковании слова или определении понятия лексикограф интересуется как характер связи между А и В, так и характер самих А и В. При этом данным для лексикографа является А<sup>8</sup>, искомыми же будут В и характер его связи с А.

Остановимся прежде всего на анализе данного, т. е. А. Если А — знаменательное слово, то лексикограф, по-видимому, волен подходить к нему и как к толкуемому слову, и как к определяемому понятию, поскольку и значение, и понятие рассматриваются одинаково как «план содержания» слова, «означаемое». Это обстоятельство может быть одной из главных причин того, что между толкованием значения и определением понятия практически не делается никакого различия. Само А («означающее») <sup>9</sup> на дает каких-либо очевидных критериев для дифференциации значения и понятия.

Обратимся к анализу характера связи В с А. Обычно, как мы уже сказали, отношение между толкуемым и толкующим, определяемым и определяющим понимается как отношение эквивалентности. Абстрактное определение эквивалентности неизбежно связывается с представлением о тождественности А и В в каком-либо отношении. Эквивалентность в этом случае определяется через понятие взаимозаменяемости, взаимозаменяемость же А и В устанавливается на основе совпадения присущих им «содержательных» признаков, «существенных в данной ситуации» [см., например, 14]. Это совпадение содержательных признаков А и В определяется во всех случаях либо чисто интуитивно, на основе знания контекстов, в которых эти А и В взаимозаменяемы, либо откровенно произвольно, на основе некоторых заранее принятых конвенций.

Поскольку связь между В и А оказывается следствием их эквивалентности, установленной априорно и в большей или меньшей степени произвольно, сама эта связь (а вместе с тем и толкования, и определения) приобретает оттенок условности и искусственности, — именно той искусственности, которая так характерна для толкований значений в словарях и вне словарей и которую В. Дорошевский справедливо связал с «искусственностью мысли» лексикографа. Интересно отметить при этом, что искусственностью грешат в равной степени и толкования, создаваемые на основе «научного» определения признаков и на основе их интуитивного определения (примеры толкований см. ниже).

Видимо, затруднения, с которыми сталкивается лексикограф при конструировании словарных толкований и определений, и неестественность самих толкований и определений являются следствием искусственности тех представлений о значении и понятии, из которых лексикограф исходит в своей работе.

Понятие и значение обычно понимаются как «означаемые» лингвистических единиц, представляющие собой, как мы уже говорили, «некие наборы элементарных признаков (сем, компонентов), совпадение этих признаков у двух «означаемых» и дает возможность толковать (определять) одну лингвистическую единицу через другую. Установление указанных признаков и сравнение на этой основе единиц языка не может не носить характера искусственности и произвольности, поскольку само понятие

<sup>8</sup> Мы не ставим здесь специально вопроса о принципах отбора толкуемого (определяемого) материала.

<sup>9</sup> Термины «означаемое» и «означающее» используются нами здесь в обычном, широко принятом в лингвистической литературе смысле: означаемое — «внутренняя (семантическая) сторона (или содержание) языковой единицы»; означающее — «внешняя (материальная) сторона языковой единицы» [13].

«элементарной единицы плана содержания» конструируется априорно и произвольно.

Такое представление о понятии и значении — это несомненное проявление так называемого «элементаризма» в науке, т. е. установки «...на поиски элементарных объектов либо в самой природе, либо в системе познавательных теоретических средств» [15; см. также 16] <sup>10</sup>. Элементаризм в современной физике привел, по мнению некоторых ученых, к кризисной ситуации и к проблеме «выбора между отказом от элементаристской методологии либо ее модификацией» [15; см. также 6]. Подобная кризисная ситуация в любой современной науке представляется нам неизбежным следствием элементаристской методологии, поскольку эта методология не соответствует уровню развития науки и является в основе своей метафизической и механистической.

При всех различиях подходов к значению и понятию элементаризм в современном языкознании остается все же той общей установкой, с позиции которой рассматриваются эти «познавательные средства». Такая установка оказывается неприемлемой по многим причинам. Вопрос о толковании значения и об определении понятия сам по себе достаточно красноречиво свидетельствует о неприемлемости элементаризма.

Ведь именно элементаризм является той общефилософской и общеметодологической основой, которая приводит к отождествлению понятия с его определением (определяемого с определяющим), значения с его истолкованием (толкуемого с толкующим), т. е., в сущности, к элементарной логической ошибке. В результате такого отождествления (понятие и его определение — это один и тот же набор содержательных признаков, элементов; значение и его истолкование — это один и тот же набор семантических признаков, элементов) получается, например, что человек, не умеющий дать словесного определения понятию или не умеющий истолковать значение, не имеет и самого понятия или не знает и самого значения: «положим, мы не знаем, какими признаками выделяется лошадь из множества других животных. Это значит, что у нас нет понятия о лошади в строгом смысле слова» [18]. Значение работы лексикографа в свете таких представлений неумеренно преувеличивается, а словарные толкования и определения начинают рассматриваться как едва ли не единственная «мера» повседневного мышления, языкового общения и практической деятельности человека в целом <sup>11</sup>.

Такие претензии лексикографии выглядят довольно курьезно, когда мы читаем определения (толкования), подобные следующим: зуб — «твердое образование ротовой полости, служащее определенным целям человеческого организма» [19]; «давление (оказывать давление на кого-либо) — действия лица А... с целью вызвать трудность для лица Б не совершения какого-либо действия или перехода в какое-либо состояние» [20].

Нетрудно понять теперь, что именно отождествление понятия с его словесным определением, значения с его словесным истолкованием влечет за собой необходимость деления понятий на «научные» и «наивные» (последние при этом отождествляются с лексическими значениями). Определения и толкования (разъяснения) сами по себе могут быть как научными, так и весьма наивными, если же всякое определение обязано совпадать по содержанию с определяемым понятием (иначе оно не будет ему экви-

---

<sup>10</sup> Классическая наука никогда не оставляла надежды найти некоторые фундаментальные (действительно элементарные) объекты, благодаря которым можно было бы исчерпывающе и с полной точностью определить все, что имеет отношение к данной области знания и, в конечном счете, к миру в целом [17].

<sup>11</sup> „Общественным рычагом“ наук, стремящихся выработать общий для всех людей рациональный взгляд на мир, является лексикография, ищущая простейших слов для объяснения широким кругам читателей, что означают те или иные слова... Размышление о значениях слов — а к этому должно побуждать чтение словаря — одна из самых существенных форм рационализации своего отношения к жизни и своего участия в жизни» [1, с. 65—66]. «Лексикограф, выразитель мнения коллектива, является законодателем по доверенности... Словарь — это мера любого высказывания» [2, с. 40].

валентно и, следовательно, не будет определением), а толкование — с толкуемым значением, то, соответственно, и понятие или значение должно характеризоваться теми же свойствами, т. е. быть либо научным, либо наивным. Встав на такую точку зрения, мы, по-видимому, должны будем также признать, что качество научности или наивности может принадлежать понятию (значению) в большей или меньшей степени, соответственно тому индивидуальному определению (толкованию), которое нашел нужным дать «в данной ситуации» этому «познавательному средству» тот или иной лексикограф. Таким образом, граница между научными и наивными понятиями (значениями) оказывается вообще трудно определяемой, а количество понятий (значений) становится таким же бесконечным, как и количество индивидуальных определений (толкований), которые может сконструировать каждый лексикограф и все лексикографы вместе взятые по поводу того или иного «познавательного средства».

Как видим, элементаристская установка в лексикографии неразрывно связана с субъективизмом: сколько разнообразных определений и толкований можно создать по поводу того или иного понятия (значения) путем «экспликации элементов его содержания», столько существует и самих понятий (значений). Научность (тем самым и объективность) каждого отдельного понятия (значения), которыми мы пользуемся в нашей мыслительной и языковой практике, в таком случае будет определяться только авторитетностью мнения, т. е. в конечном счете все-таки субъективным произволом того или иного лексикографа или вообще того, кто определяет понятие или толкует значение.

Очень важно отметить, что на элементаристской основе, как это вытекает из всего сказанного, невозможно также какое-либо объективное отграничение значений от понятий (лингвистического от логического), поскольку и те и другие одинаково рассматриваются как наборы элементарных компонентов (признаков), а эти последние не могут быть определены объективно ни в количественном, ни в качественном отношении.

Вполне понятное стремление подвести научную базу под методику словарных определений и толкований выливается, как мы видели, в попытки разделить научный и так называемый «наивный» подходы к понятиям и значениям, разделить соответственно даже сами понятия и значения. Вместе с тем декларируемое разделение оказывается малообоснованным, чисто условным, поскольку оно покоится на весьма шатких теоретических основаниях. В конечном счете такое разделение неизбежно приводит к тому, что человеку приписывается способность мыслить то научными, то «наивными» понятиями, использовать то научные, то «наивные» («общие») значения в зависимости от той ситуации, в которой он в данный момент находится [см., например, 24]. Поскольку же количество ситуаций, определяющих отношение человека к понятиям и значениям, а тем самым и к тому, что за ними стоит, бесконечно, мы неизбежно оказываемся во власти гносеологического релятивизма и субъективизма. Ни о какой истинной научности словарных определений и толкований при таком подходе к ним говорить не приходится.

Казалось бы, есть возможность избежать тех противоречий, и искусственных решений, которые обнаружили при анализе лексикографических проблем. Для этого нужно с самого начала исходить из того, что научное и «повседневное» мышление в основе своей однородны.

В. Дорошевский, безусловный реалист в лексикографии, пишет: «Не может быть разделения на мышление будничное, повседневное, на практическое функционирование здравого смысла „обыкновенного человека“ и научное мышление» [1, с. 64—65]. В. Дорошевский обосновывает это положение тезисом о единстве познаваемой действительности, единстве познавательного процесса и тем, что научная форма познания действительности является, в сущности, «продолжением элементарного познавательного рефлекса» [1, с. 64]. Стараясь практически, на конкретных примерах толкований доказать правильность указанного исходного тезиса, В. Дорошевский посвящает целые страницы обоснованию той или

иной словесной экспликации значения, его «содержания», демонстрации в связи с этим единства научного и обыденного подхода к предмету, понятию и значению.

И все же, как мы уже говорили, работа В. Дорошевского оставляет впечатление недоказанности правильных исходных положений о принципиальном единстве мышления научного и «будничного». Ошибка В. Дорошевского заключается, по-видимому, в том, что он, также стоя на элементаристских позициях и отождествляя понятие с его словесным определением, значение с его словесным истолкованием, ищет единство «будничного» и научного («общий для всех людей рациональный взгляд на мир») именно в словесных определениях и толкованиях, полагая, что тем самым обнаруживает это единство в самих понятиях и значениях.

Однако никакую словесную экспликацию «содержания» понятия или значения невозможно сделать единственной и обязательной для всех людей и для всех ситуаций, даже обосновав такую экспликацию самыми современными научными данными и подкрепив ее самыми очевидными доводами здравого рассудка. Такие экспликации по природе своей множественны и вследствие этого действительно релятивны и более или менее субъективны, и именно поэтому каждая из них в отдельности имеет «в научном отношении незначительную ценность» [7].

Неправильно было бы, однако, переносить эту относительность и известную субъективность словесных определений и толкований на сами понятия и значения и ставить их объективность и, следовательно, научность в зависимость от большей или меньшей «удачности» отдельных определений и толкований, вырабатываемых лексикографами. Понятия и значения не тождественны своим словесным определениям и толкованиям и не нуждаются, в отличие от последних, в обосновании и доказательстве их истинности или правильности. Нелепо спорить об истинности понятия или о правильности значения, но можно спорить об истинности словесного определения или правильности словесного толкования.

Отождествление же понятия с определением, значения с толкованием прямо приводит к мировоззренческому и лингвистическому нигилизму и плюрализму, т. е. к тому, что вообще смазывается представление о различии между истиной и заблуждением, правильностью и неправильностью и начинается проповедоваться идея о множественности и условности истин, об их абсолютной равноценности.

Если все же, как правило, отстаивается предпочтительность какого-либо конкретного определения или толкования как более научного по сравнению с другими, то для этого должны быть более основательные причины, чем только субъективная уверенность в своей правоте того или иного конкретного лексикографа и его ссылки на данные других наук и доводы здравого рассудка.

Единство как понятий («общий для всех людей рациональный взгляд на мир»), так и значений (общая «мера» высказываний в пределах данного языка) обусловлено не единством и единственностью предлагаемых лексикографами дефиниций, а объективностью самих понятий и значений. Именно потому, что понятия и значения объективны, т. е. независимы от субъективного произвола какого-либо человека, в том числе и того или иного лексикографа, в известном смысле **н а в я з а н ы** нам самой действительностью (внеязыковой и языковой), они оказываются одновременно и едиными — понятия для всех мыслящих, значения для всех говорящих (на данном языке).

Вследствие объективности понятий и значений их истинные определения и действительные (правильные) толкования также не могут быть произвольными. Определения и толкования по этой причине не могут «уточнять» понятий и значений, «строить», «формировать» их [22] или «устанавливать» их содержание [23]. Понятия и значения «определяются» и «толкуются» (проявляются) прежде всего в самой мыслительной и речевой практике независимо от желания лексикографов. Задача лексикографа — не конструировать определения и толкования, а обнаруживать их в этой мыслительной и речевой практике человека. Истинность опреде-



лений должна быть подкреплена прежде всего мыслительной практикой человека, а правильность толкований — его речевой практикой.

Что касается толкования значений, то самой простой иллюстрацией к тому, о чем мы здесь говорим, на первый взгляд, мог бы служить известный способ толкования значений слов путем приведения многочисленных примеров употребления слова в естественных (идиоматичных) контекстах. Кажется, что если бы можно было привести в словаре все контексты, в которых данное слово употребляется, то это было бы наиболее полным и объективным способом толкования, раскрытия его значения (значений).

ПЕРЕФРАЗИРУЯ АРИСТОТЕЛЯ, можно было бы в этом случае сказать: сколькими способами эти различные высказывания производятся, столькими путями они указывают на значение слова<sup>12</sup>. Такой способ толкования соответствовал бы, как кажется, также указанию Ф. Энгельса о том, что исчерпывающее представление об объекте (в данном случае о значении) можно получить, если прослеживаются все формы его проявления.

Указанный способ толкования, помимо своей объективности, представляется имеющим по крайней мере два несомненных преимущества: наглядность и конкретность. Действительно, если значение — это некое внутреннее качество слова (как принято считать в соответствии с элементаристскими представлениями о значении), то что может быть более наглядным и конкретным с точки зрения выявления значения, как не пример употребления (использования) слова в речи, т. е. в естественных связях его с другими словами<sup>13</sup>? Представляется, что с у м м а таких примеров дала бы еще больше для выявления значения, тем более, что это была бы не просто сумма, а, как говорят, «упорядоченное множество» (класс), общим признаком всех членов которого было бы как раз искомое значение.

Известно, однако, что лексикографы не используют в толковых словарях такую наглядную методику толкования как единственно возможную и не рискуют возводить ее в принцип толкования<sup>14</sup>. Чем объяснить непригодность такого наглядного, естественного, объективного и, казалось бы, очень конкретного толкования значений, которое к тому же снимает, по крайней мере в практическом плане, вопрос о противоположности научного и «наивного» толкования слов, поскольку среди примеров можно привести предложения и из научных, и из «наивных» текстов, уравновесив таким образом два подхода к значению?

Принципиальная непригодность такой методики заключается, по-видимому, в том, что она либо предполагает простое механическое перенесение уже готовых образцов (текстов), представленных в словаре, в речь того, кто пользуется словарем (ни о каком толковании и понимании значения в этом случае, конечно, говорить нельзя), либо уповает на интуицию читателя, который должен сам «извлечь» из текстов нужное ему значение, учитывая при этом, что лексикограф дает «упорядоченное множество» примеров, где это значение как бы только разными способами зашифровано, но вместе с тем подсказано читателю самим подбором примеров<sup>15</sup>.

Это последнее предположение оказывается, однако, всего лишь иллюзией, так как читатель, полагаясь только на свою интуицию, не способен «извлечь» нужное ему значение из такого «упорядоченного множества» примеров. То, что обычно понимается под у п о р я д о ч е н н ы м м н о ж е с т в о м (классом, парадигмой), — в данном случае сумма текстовых примеров — есть на самом деле всего лишь «наглядная совокупность» (тер-

<sup>12</sup> См. перевод соответствующего аристотелевского изречения из «Метафизики» в «Философских тетрадах» В. И. Ленина [24].

<sup>13</sup> Ср.: «Значением слова является его употребление в языке» (Л. Витгенштейн) (цит. по [25]).

<sup>14</sup> См., впрочем, принципы, на которых строится толкование терминов в [26], где термнология дается «не в системе, а в тексте».

<sup>15</sup> Разумеется, «извлекать» значение из парадигмы текстов имеет смысл только для того, чтобы получить «меру высказывания» (правило), по которой строились бы и другие, в чем-то аналогичные, но не включенные в данную парадигму, тексты. Одновременно это означало бы и понимание самого «извлекаемого» значения.

мин Ж. Пиаже), внешне связанное многообразие (множество), которое никак не может служить читателю руководством к действию (и действию по «извлечению» значения и какой-либо «мерой» построения высказываний) как раз вследствие своей неконкретности. «Менее... всего конкретно то, — пишет Гегель, — что обычно понимают под конкретным, — внешне связанное многообразие» [27].

— Такое «многообразие» (множество примеров) конкретно только в плане своей наглядности, т. е. с точки зрения чувственного восприятия, но совершенно неконкретно с точки зрения правила, закона, лежащего в основе этого «многообразия». Имея перед собой только ряд наглядных примеров, читатель не может знать ни правила, в соответствии с которым они получены, ни, следовательно, правила, в соответствии с которым можно получить другие в чем-то аналогичные примеры. Все дело в том, что одна и та же наглядная совокупность (и каждый ее член) может явиться результатом действия не одного какого-то единственного правила, а результатом действия множества разных правил, каждое из которых способно «породить» эту совокупность [28].

Любая наглядно-чувственная совокупность (отдельное звучащее или написанное слово; сумма слов, — например, синонимов; текст или сумма текстов) конкретна лишь как наглядно-чувственный стимул (или совокупность стимулов), но сама по себе не может выступать в качестве общего руководства к конкретному действию, т. е. в качестве правила (закона).

Каждый наглядно-чувственный стимул, так же как и их сумма, может вызывать у воспринимающего его только то действие (или серию действий), к которому данный воспринимающий подготовлен своим личным (в том числе социальным и языковым) опытом или не вызывает никакого действия. Лексикограф не может рассчитывать на интуицию пользующегося словарем ни тогда, когда значение слова толкуется через некоторый естественный текст, т. е. через реальные синтагмы, в которые входит это слово, ни тогда, когда значение толкуется через сумму таких специально подобранных естественных текстов. В обоих случаях от воспринимающего остается скрытым как раз то, что для него при чтении словаря, по-видимому, важнее всего — п р а в и л о, в соответствии с которым данное конкретное слово входит и может входить в сочетание с другими словами в тексте <sup>16</sup>.

Это относится прежде всего, конечно, к читателю-иностранцу, который хочет найти в русском толковом словаре ответ на вопрос, как следует употреблять то или иное русское слово «в соответствии с его значением». Но и носитель языка оказывается не способным четко сформулировать для себя такое правило ни на основе примеров конкретных синтагм, куда входит это слово, или их совокупностей — парадигм [28], ни даже на основе фактического (но интуитивного, неосознанного) владения таким правилом, позволяющим носителю языка практически строить конкретные высказывания.

Это последнее обстоятельство необходимо разъяснить. То, что инту-

<sup>16</sup> Интересно сопоставить с тем, о чем здесь говорится, следующее высказывание А. И. Герцена: «Слова не до такой степени вбирают в себя все содержание мысли, весь ход достижения, чтоб в сжатом состоянии конечного вывода навязывать каждому истинный и верный смысл свой; до него надобно дойти; процесс развития снят, скрыт в конечном выводе...; это своего рода заглавие, поставленное в конце: оно в своем отчуждении от целого организма бесполезно или вредно. Что пользы человеку, не знающему алгебры, в уравнении какой-нибудь линии, несмотря на то, что в этом уравнении все есть: и ее закон, и построение, и все возможные случаи; но они есть только для того, кто знает, как вообще составляются уравнения, — словом, для человека, которому скрытый в формуле путь известен, которому каждый знак напоминает известный порядок понятий... Есть случай, в котором можно допустить употребление результатов без пояснения их смысла, — именно, когда предшествует достоверность, что под одними и теми же словами разумеются одни и те же понятия, что есть общепринятое, вперед идущее, которое свяжет говорящего и слушающего... Всего чаще говорящий во имя науки мечтает, что весь процесс, который для него явно скрывается за формальным выражением, известен слушающему и идет далее, в то время, как у каждого идут вперед или личные мнения, или поверья, и высказанное слово будит в нем не умственную самостоятельность, а именно эти косные и обветшалые предрассудки» [29].

итивное владение некоторыми принципами оперирования словом не тождественно сознательному (и подлинно научному) владению такими принципами, вряд ли нуждается в особом доказательстве. Однако сам факт расхождения интуитивного и сознательного подхода к слову и характер этого расхождения в каждом конкретном случае выявить далеко не просто.

Вопрос, который при сравнении интуитивного и научного подхода к слову напрашивается сам собой, можно было бы сформулировать следующим образом: нужно ли, когда речь идет о значении, разделять **зн а н и е** значения слова и **у п о т р е б л е н и е** слова в соответствии с его значением? Не связано ли то и другое чем-то единым?

Сама языковая практика свидетельствует о том, что для такого вопроса имеются основания. В самом деле, если кто-то употребляет слово во всех случаях в соответствии с его значением, т. е. с определенной точки зрения правильно, то не говорит ли это нам о том, что данный человек **зн а е т** значение слова, **в л а д е е т** им, хотя на вопрос, **к а к о в о** это значение, такой человек может не дать правильного ответа?

Видимо, владение значением слова нельзя отождествлять с умением описать это значение. Значение, как мы уже говорили, не тождественно какому-либо словесному его описанию. Задачей лексикографа является в связи с этим не описание значения слова через какие-либо эквивалентные этому слову выражения, тем более — не какое-либо конструирование значения из элементарных семантических «компонентов», а выявление того **п р и н ц и п а** владения словом, который позволяет носителю языка правильно употреблять слово и который существует независимо от лексикографа и лексикографии. Задачи лексикографии от этого не делаются менее значительными: выявляя значение слова, мы превращаем действующий независимо от нашей воли и неосознаваемый нами принцип в осознанный **м е т о д**, который может быть использован, например, в практике преподавания языка иностранцам.

То, что позволяет нам говорить о значении слова как о действующем принципе, который может быть превращен — при его осознании — в действующий метод, находит свое объяснение в следующем понимании значения: значение слова — это **п р а в и л о** оперирования словом, которое именно в этом оперировании и находит свое выражение и экспликацию. Понятно, что правильно оперируя словом, мы тем не менее можем не осознавать самого правила, лежащего в основе такого оперирования, тем более — правило не обнаруживается само собой в **п р о д у к т а х** такого оперирования, т. е. в реальных и вполне «наглядных» (воспринимаемых органами чувств) синтагмах и даже в их совокупностях — парадигмах: сколько бы мы ни приводили примеров употребления слова, значение его (правило оперирования словом) от такого иллюстрирования не станет вполне очевидным, если мы при этом не сформулируем самого принципа составления синтагм с участием данного слова.

Здесь, однако, возникает еще один вопрос — вопрос о рамках действия семантических (собственно языковых) правил и, следовательно, о том, где кончается действие этих правил и начинается действие правил логических (понятийных), а значит, и собственно мыслительное отражение действительности, которое лишь косвенно отражается в свою очередь в языке, и, в частности, в жизни слова.

Интуиция не отделяет собственно языкового и внеязыкового, а лингвист, и особенно лингвист, преподающий язык иностранцам, должен уметь это делать. Профессиональные интересы такого лингвиста требуют от него владения методикой, позволяющей «семантизировать» и классифицировать слова, не смешивая при этом их собственно семантических свойств со свойствами, которые не имеют прямого отношения к языковой семантике.

Покажем на конкретном примере, как взаимодействуют при конструировании синтагм правила двух видов — правила языковые и правила логические и, следовательно, где кончается область языковой семантики и начинается область собственно мыслительная.

Глаголы *способствовать* и *препятствовать* интуитивно воспринимаются как антонимичные (см. данные словарей). Вместе с тем эти глаголы имеют одинаковые синтаксические валентности:

*способствовать*  
*препятствовать*

кто? что? (им. п.) — субъект действия  
кому? чему? (дат. п.) — объект действия  
чем? (тв. п.) — средство воздействия.

Анализ сочетаемости глаголов *способствовать* и *препятствовать* (т. е. правил оперирования ими) показывает, что комбинаторные свойства (набор синтаксических позиций и их лексическое заполнение<sup>17</sup>) этих глаголов совпадают. Это значит, что в любом предложении эти глаголы могут быть взаимно заменены: *Необходимо всеми силами способствовать (препятствовать) реализации замысла; Этот человек способствует (препятствует) вашему успеху.*

Однако среди предложений имеются и такие, в которых, на первый взгляд, нельзя осуществить замену глагола *способствовать* на глагол *препятствовать*: *Книги способствуют распространению знаний; Комплексная автоматизация цехов способствует повышению производительности труда; Радость способствовала ее выздоровлению и т. п.*

Здесь мы, по-видимому, и сталкиваемся с влиянием на сочетаемость данных глаголов экстралингвистических факторов, которые «запрещают» комбинации типа *Книги препятствуют распространению знаний* и *Радость препятствовала ее выздоровлению*.

Подобные конструкции и с тем и с другим глаголом с языковой точки зрения являются абсолютно правильными, и лишь наше знание «предметных» связей, характеризующих некоторые реальные ситуации, может накладывать запрет на сочетаемость. Но предметные отношения не являются раз и навсегда данными: то, что представляется нам истинным в одной ситуации, может быть ложным в другой. Например, предложение *Книги препятствуют распространению знаний*, в языковом отношении правильное вне зависимости от особенностей ситуации, с логической точки зрения может быть и ложным (если учитывать наши традиционные представления о книге как «источнике знаний»), или истинным (если речь идет, например, о пошлой, бессодержательной или религиозной литературе).

Таким образом, становится очевидным, как в данном случае взаимодействуют языковая и внеязыковая «правильности» и как это отражается на сочетаемостных характеристиках глаголов («можно — нельзя в языке» и «можно — нельзя в данной предметной ситуации»).

Анализ правил оперирования глаголами *способствовать* и *препятствовать* выявляет их антонимичность на понятийном уровне и их синонимичность на языковом уровне. Из этого анализа становится ясно, что интуитивная оценка «содержания» этих глаголов совпадает с понятийной их характеристикой и совершенно не учитывает их собственно семантических (языковых) свойств<sup>18</sup>. Соответственно не разделяются и способы экспликации понятийного (определение) и языкового (толкование) аспектов поведения слов. Правильная оценка этих двух аспектов содержания слова возможна лишь при экспликации тех «процессов», которые «скрываются за формальными выражениями», т. е. при экспликации «законов» двух типов (языковых и мыслительных), в соответствии с которыми составляются конкретные языковые «формулы» (синтагмы).

Мы привели пример семантического анализа, результаты которого достаточно просты и очевидны. Нельзя сказать, однако, что подобная операциональная процедура вообще сводится к какому-либо раз и навсегда принятому шаблону и всегда приводит к вполне однозначным результатам.

<sup>17</sup> Анализ закономерностей лексического заполнения синтаксических позиций очень важен для семантической характеристики каждого конкретного слова. Мы касаемся этого вопроса при анализе семантики глаголов *способствовать* и *препятствовать* лишь в самом общем виде только из-за ограниченного размера статьи.

<sup>18</sup> Анализ глаголов *способствовать* и *препятствовать* использован нами из неопубликованной статьи Т. Я. Зотовой с любезного разрешения автора.

Граница между семантическими (языковыми) и логическими (понятийными) закономерностями далеко не всегда может быть определена с полной четкостью. То же можно сказать относительно границы между так называемой лексической семантикой и семантикой грамматической. В этом нет ничего удивительного: оперирование словом подчиняется многим закономерностям, которые перекрещиваются и накладываются друг на друга.

Важно не столько абсолютно жесткое разделение трех указанных сфер (такое разделение объективно невозможно), сколько правильное понимание сути явлений. Такое понимание дает, например, преподавателю методические приемы, позволяющие обнаружить и показать действительную семантическую специфику изучаемого языка, а также (что не менее важно) специфику взаимодействия языкового и внеязыкового (собственно мыслительного), которая для данного конкретного языка может быть правильно определена только в том случае, если правильно понята его собственная специфика. Только на этой основе — на основе правильного понимания закономерностей взаимодействия языкового и внеязыкового (а отнюдь не на основе их смешения) — возможно истинное осознание культурно-исторической роли слова каждого языка. Только на этой основе лексикограф может строить «мосты взаимопонимания» между людьми.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973.
2. Дюбуа Ж., Дюбуа К. Педагогическая речь словаря. — В кн.: Актуальные проблемы учебной лексикографии. М., 1977.
3. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 1. М., 1970, с. 98.
4. Сэв Л. Современная французская философия. Исторический очерк от 1789 г. до наших дней. М., 1968, с. 93.
5. Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972.
6. Омельяновский М. Э. Дialeктика революций в физической науке и фундаментальные идеи ее основных теорий. — ВФ, 1978, № 9.
7. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 84.
8. Даль В. Напутное слово. — В кн.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. т. I. М., 1978, с. XV.
9. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии. — В кн.: Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
10. Даль В. О русском словаре. — В кн.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1978, с. XXXVIII.
11. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.
12. Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость (к формализации в языкознании). Л., 1975.
13. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 273.
14. Шрейдер Ю. А. Равенство, сходство, порядок. М., 1971.
15. Степанов Н. И. Дialeктика взаимоотношений эксперимента, модели и теории в современном естествознании. — ВФ, 1977, № 2, с. 166.
16. Степанов Н. И. Концепции элементарности в научном познании. М., 1976.
17. Кузнецов Б. Г. История философии для физиков и математиков. М., 1974, с. 242—243.
18. Войшвилло Е. К. Понятие. М., 1967, с. 110.
19. Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977, с. 142.
20. Щеглов Ю. К. Две группы слов русского языка. — Бюл. «Машинный перевод и прикладная лингвистика». Вып. 8, 1964, с. 54.
21. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М. — Л., 1965.
22. Горский Д. П. Определение. М., 1974, с. 5.
23. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975, с. 409.
24. Ленин В. И. Философские тетради. — Полн. собр. соч., т. 29, с. 329.
25. Халл Т. И. Современные теории познания. М., 1965, с. 471.
26. Хэлл Э. Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964, с. 6.
27. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974, с. 348.
28. Правдин М. Н. К вопросу о формах презентации языка в учебнике (Синтагматика и парадигматика). — В кн.: Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. М., 1980.
29. Герцен А. И. Письма об изучении природы. Письмо второе. Наука и природа — феноменология мышления. — В кн.: Герцен А. И. Избранные философские произведения. М., 1948, с. 123—124.